

ной старой России, а во всем мире. Как ни законны гнев, злоба, душевная боль в «Окаянных днях» Бунина, — но ведь в другом его же произведении Яков Демидыч вскользь говорит: «Да я, по совести сказать, за весь век только один раз сытый был, когда на бойнях у купца в Ельце служил...»

Говорю это лишь к слову. Ни к «Окаянным дням», ни тем более к «Серпу и Молоту» не должно подходить как к книгам чисто политическим. Это ведь художественные произведения, и есть в обеих книгах страницы, которые могут сравняться с лучшим из всего, что написано Буниным. Но в «Окаянных днях» сокровища изобразительного искусства были рассыпаны в самых злых и резких главах. «В саду возле шалаша целое собрание. Караульщик, мужик бывалый и изысканно красноречивый, передает слух, будто где-то возле Волги упала из облаков кобыла в двадцать верст длиною. Обращаясь ко мне: „Вероятно, ерунда, барин?“ Его приятель с упоением рассказывает свое „революционное“ прошлое. Он в 1906 году сидел в остроге за кражу со взломом — и это его лучшее воспоминание, он об этом рассказывает постоянно, потому что в остроге было: веселее всякой свадьбы и харчи отличные. Он рассказывает: „В тюрьме обыкновенно на верхнем этаже сидят политики, а во втором — помощники этим политикам. Они никого не боятся, эти политики, обкладывают матюком самого губернатора, а вечером песни поют, мы жертвою пали“...» В «Серпе и Молоте» самые чудесные страницы встречаются всего чаще в главах совершенно иного тона. «...Возвращаясь с вечерней прогулки, вошел во двор монастыря, прельщенный красным огоньком, горевшим в келье под навесом деревьев монастырского сада. Были уже сумерки — полусвет северной ночи. Во дворе было пусто. Золотой ангел с крыши притвора благословлял двор. В притворе чернели две рясы, белели два капюшона. Одна из монахинь была молода, нежна, тиха. Я попросил ее показать, где на монастырском кладбище могилы самые древние. Она достала из ниши фонарик, зажгла его и повела меня в полумрак сада, среди смешанных весенних запахов — и сладких, и терпких, и каких-то водянистых, травяных. Иногда она останавливалась и освещала могилы. В полусвете фонарика выделялся ее белый капюшон. Она разыскала старую-старую могильную пли-

ту, вросшую в землю особенно глубоко, всю во мху, в порах и углублениях, суженную к изножию. Буквы, насеченные на ней, покрытые мохом совсем черным, гласили: „Лета такого-то (шестьсот лет назад)... схимонах Ферапонт... рода Долгоруких“...» Вот она, истинно неотразимая, бунинская «химия слова», здесь одинаково, думаю, действующая и на верующих, и на неверующих людей.

В девятом томе собраны преимущественно небольшие рассказы последнего периода и нового рода. Только изредка — почти удивляешься, попадая на рассказы, написанные в старых формах, как «История с Чемоданом» или «Грибок», напоминающие по манере раннего Чехова. Последний, юмористический, рассказ, в котором к приехавшему из Москвы в Петербург человеку является назойливый, говорливый гость, по-чеховски и заканчивается: «Кончается все это тем, что приезжий убивает делопроизводителя из Твери кувшином с умывальника и отдается в руки правосудия». Но почти все остальное — не только бунинское и неповторимое, но новое для самого Бунина. Во всей книге сказываются поиски новой формы — поиски, делающие особую честь писателю, который добился такой высоты, таких огромных и исключительных успехов в старых формах искусства. Есть рассказы длинной в полстраницы, в несколько строк, порою будто чуть не заметки из записной тетради, — и много среди них совершенных шедевров, как «Русь», «Ущелье», «Роман Горбуна», «Обреченный дом», «Распятые». Лучший и даже единственный вид рецензии о таких произведениях — приводить из них выдержки. Почти наудачу выбираю начало рассказа «Слезы», или, точнее, первую его половину, ибо в рассказе этом шестнадцать строк: «Подшла к воротам усадьбы старуха побирушка. Старушечьи лохмотья, старушечьи прямые чулки на сухих ногах, замученные глаза... Дал ей полтинник, попробовал разговориться: „Ну, вот ты, бабушка, везде ходишь, везде бываешь, — небось много интересного видишь?“ Горько заплакала: „Да что ж поделаешь, батюшка, конечно, видишь!“...»

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты воспроизводятся по публикациям в русском парижском журнале «Современные записки»: 1) 1927. № 32. С. 455—456; 2) 1931. № 46. С. 486—489; 3) 1935.